

Разборъ русскихъ классиковъ. Выпускъ II.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Анна Каренина.

(Характеристики главныхъ действующихъ лицъ).

Составилъ М. П. Н.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книжного магазина Н. О. Строганова
Фонтанка, № 108.

1907.

Разборъ русскихъ классиковъ. Выпукъ I.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

Анна Каренина.

(Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ).

Составилъ М. П. Н.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907.

Типографія Ясногородского, Спб., Гороховая, 17.

Предисловіе.

Въ романѣ Л. Н. Толстого „Анна Каренина“ собственно три главныхъ лица: Анна Каренина, Каренинъ и Константинъ Левинъ.

Вронскій и всѣ остальныя дѣйствующія лица служать какъ бы фономъ для романа и не представляютъ собою особеннаго интереса.

Исторія любви Анны Карениной, въ которой Л. Н. Толстой наглядно представляетъ обществу, какъ трудно и сложно добиться развода при существующихъ „законныхъ формальностяхъ вообще и въ особенности тѣмъ, кто бѣжитъ отъ грязи и огласности“.

Анна Каренина—центральное лицо романа—могла бы служить автору материаломъ для совершенно отдельного произведенія.

Христіанское смиреніе мужа ея, Каренина, еще болѣе подчеркиваетъ „неразрѣшимость разрѣшимости“ развода и наводитъ на многія размышленія читателя.

Третье лицо—Константинъ Левинъ, духовное возрожденіе котораго такъ художественно изобразилъ Л. Н. Толстой.

Анна Каренина,

Романъ Л. Н. Толстого „Анна Каренина“ пред-
ставляетъ собою грустную исторію любви замуж-
ней женщины, рискнувшей бросить вызовъ общес-
тву, т.-е. уйти отъ мужа къ любому человѣку.

Адюльтеръ процвѣталъ и будѣтъ процвѣтать
вездѣ и всегда, общество не карало и не караетъ
тѣхъ, кто умѣеть скрывать свои слабости, но горе
тому, кто осмѣлится открыто нарушить обществен-
ную благопристойность.

Анна Каренина именно нарушила обществен-
ную этику, бросивъ мужа и ребенка. Л. Толстой,
съ присущей ему психологической правдивостью,
въ лицѣ Анны Карениной описываетъ нравствен-
ную борьбу свѣтской женщины, которая восемь
лѣтъ своей супружеской жизни душила въ себѣ
все живое, хотя потребность любви давала себя
чувствовать. На взглядъ простого наблюдателя
все обстоитъ благополучно. Каренина произво-
дитъ впечатлѣніе любящей матери, хорошей су-
пруги, живущей интересами мужа. Она, дѣйстви-

тельно, неудовлетворенная мужемъ, страстно любить сына, но къ мужу чувствуетъ „легкое стѣсненіе, похожее на состояніе притворства“.

Трудно предположить, чтобы молодая, красивая женщина, вращающаяся въ свѣтѣ, гдѣ такъ сильно развито ухаживаніе за замужними женщинами, могла сохранить „свою душу живую“. Не сохранила ее и Каренина. Встрѣча съ Волконскимъ перевернула всю ея жизнь.

Л. Толстой замѣчательно правдиво описываетъ ея возвращеніе домой послѣ встрѣчи съ Волконскимъ.

Смутное беспокойство охватываетъ Анну во время ея пребыванія въ Москвѣ. Какой-то безотчетный стыдъ заставляетъ ее ускорить свой отѣзданіе домой. Она еще не сознаетъ вполнѣ всей опасности своей встрѣчи съ Бронскимъ, но инстинктивно страшится и бѣжитъ подъ защиту мужа и сына, „гдѣ она снова станетъ твердою и безупречной“.

„Ну, слава Богу,—говорить она, садясь въ вагонъ, чтобыѣхать въ Петербургъ,—слава Богу, завтра опять я увижу мужа и сына, и опять пойдетъ моя жизнь хорошая и привычная по-старому“.

Чувство стыда продолжаетъ мучить Анну, несмотря на увѣренность, что подъ сѣнью очага она снова станетъ твердою.

„Чего мнѣ стыдно?“—спрашиваетъ она себя съ оскорблениемъ удивленіемъ и перебираетъ всѣ свои московскія воспоминанія, но ничего стыд-

наго нѣть, т.-е. нѣтъ прямого факта, указывающаго на это.

„Вронскій!“—продолжаетъ допытываться Анна.
— „Ну что же? Неужели между мною и этимъ офицеромъ-мальчикомъ существуютъ и могутъ существовать какія-нибудь другія отношенія, кромѣ тѣхъ, какія бываютъ съ каждымъ простымъ знакомымъ?“

Подобное предположеніе, такъ ясно выраженное, вызываетъ въ ней презрительный смѣхъ, но когда, выйдя во время остановки поѣзда на одной изъ станцій, Анна видитъ предъ собою Вронскаго (появленіе котораго было полнѣйшей неожиданностью для нея), то ее охватываетъ „чувство радостной гордости. Ей не нужно спрашивать, зачѣмъ онъ тутъ. Она знала это такъ же навѣрно, какъ если бы онъ сказалъ ей, что онъ тутъ для того, чтобы тамъ быть, гдѣ она. Этого желала ея душа, но разсудокъ боялся“.

Въ Петербургѣ первое лицо, которое она увидѣла, выйдя изъ вагона, было лицо мужа.

„Ахъ, Боже мой! отчего у него стали такія уши?“—думаетъ она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившіе ее теперь хрящи ушей.

„Глядя на мужа, она испытываетъ недовольство собою. Чувство это было домашнее, знакомое чувство, похожее на состояніе притворства, которое она испытывала въ отношеніяхъ къ мужу; но прежде она не замѣчала этого чувства, теперь же она ясно и болѣно сознала его“.

Въ Аннѣ Карениной, видимо, начинается переоценка всего того, чѣмъ она жила до сихъ поръ; даже сынъ, котораго она такъ любила, вызвалъ въ ней чувство легкаго разочарованія.

Возвращаясь домой, гдѣ обычныя обязанности завладѣли ею, чувство стыда, переживаемаго дорогою, исчезло; она снова почувствовала себя твердою и безупречною.

„Что же было со мною? Ничего. Вронскій дѣлаетъ глупости, которымъ я положу конецъ. Говорить объ этомъ мужу не надо и нельзя. Говорить объ этомъ—значитъ придавать важность тому, что ея не имѣть“.

Послѣ своей поѣздки въ Москву Анна сталаѣздить въ большой свѣтъ, хотя раньше избѣгала этого, боясь большихъ расходовъ, столь неизбѣжныхъ при частыхъ выѣздахъ. Прежде она придерживалась небольшого кружка людей, черезъ которыхъ ея мужъ сдѣлалъ себѣ карьеру. Это былъ кружокъ старыхъ, некрасивыхъ и набожныхъ женщинъ и умныхъ, ученыхъ и честолюбивыхъ мужчинъ; послѣ своей московской поѣздки этотъ кружокъ сталъ невыносимъ Аннѣ, и она возможно рѣже посѣщала его. Въ большомъ свѣтѣ она всюду встрѣчается съ Вронскимъ, который постоянно говорить ей о своей любви. Анна не поощряетъ его ничѣмъ, но при видѣ его „оживаетъ вся и не можетъ скрыть своей радости“.

Сначала Каренина искренно вѣрить, что подобное ухаживаніе вызываетъ въ ней неудоволь-

ствіе, но затѣмъ сознаеть, что Вронскій составляетъ единственный интересъ ея жизни.

Л. Толстой наглядно показываетъ на Карениной, какъ женщина, до тѣхъ поръ спокойная и тактичная, подъ вліяніемъ сильнаго увлеченія дѣлаетъ безтактности и промахи. Одинъ изъ подобныхъ промаховъ замѣчается мужемъ, который одинъ только не знаетъ объ увлеченіи Анны. Въ обществѣ, конечно, это было секретомъ полипинеля. Пріятельницы Анны, не прощавшія ей ея былую безупречность и неприступность, ждали только случая, когда общественное мнѣніе подтвердится, т.-е. когда ея измѣна мужу не будетъ подлежать сомнѣнію, чтобы вылить на нее все свое презрѣніе.

Мужъ, „чуждый ревнивыхъ подозрѣній“, предупреждаетъ ее, что „она по легкомыслію и неосмотрительности подаетъ поводъ въ обществѣ говорить о себѣ“.

Анна въ отвѣтъ на это предостереженіе дѣлаетъ удивленное лицо и, какъ будто не придавая никакого значенія словамъ мужа, заявляетъ, что „она рѣшительно не понимаетъ, о чёмъ онъ говоритъ“. „Она чувствуетъ себя одѣтою въ непроницаемую броню лжи“.

На всѣ попытки мужа вызвать ее на объясненіе, Анна отвѣчаетъ веселымъ недоумѣніемъ и попрежнему вездѣ встрѣчается съ Вронскимъ. „Духъ зла и обмана овладѣлъ ею вполнѣ“. Мужа она не жалѣть и не вдумывается въ состояніе его души.

„То, что для Анны было невозможна, ужасно и тѣмъ болѣе обворожительно мечтою счастія, это желаніе было удовлетворено“: Вронскій становится ея любовникомъ.

Каренина сознаетъ свою преступность, мучается ею, но преодолѣть себя не можетъ; она боится думать о своемъ будущемъ: оно пугаетъ ее. Возможность совмѣстительства любовника съ мужемъ кажется ей неизбѣжной и тѣмъ самымъ пугаетъ ее.

Аннѣ не легко дается ея любовь. Жгучій стыдъ, мучительныя угрызенія совѣсти переживаетъ она, хочетъ прекратить свое двусмысленное положеніе, но въ смятеніи чувствъ не знаетъ выхода. Когда она объявляетъ Вронскому о своей беременности, то тотъ предлагаетъ ей оставить мужа и соединиться съ нимъ. Но Анна всегда отвѣчаетъ на подобныя предложенія уклончиво. Въ ея положеніи было что-то такое, чего она не хочетъ или не можетъ уяснить себѣ. Въ объясненіяхъ съ Вронскимъ она никогда не упоминаетъ о сынѣ, котораго боится потерять при разрывѣ съ мужемъ. Мысль, что сынъ когда-нибудь будетъ судить ее, наполняетъ ужасомъ Анну, и она отгоняетъ отъ себя подобную возможность и предпочитаетъ жить по-старому.

Слухи о невѣрности Карениной все болѣе и болѣе подтверждаются. Друзья Каренина предупреждаютъ его, но тотъ положительно не знаетъ, что предпринять. Анна на всѣ его намеки и предостереженія не откликается и сохраняетъ по-

прежнему свое веселое недоумѣніе. Случай на скачкахъ съ Вронскимъ, который упалъ съ лошади, лишаетъ Анну обычнаго самообладанія: забывъ объ окружающихъ, она бьется въ слезахъ. Мужъ изъ боязни скандала почти насильно уводитъ ее. По дорогѣ Каренинъ указываетъ женѣ все неприличіе ея слезъ изъ-за Вронского.

„Что тутъ неприличнаго?“ — спрашиваетъ Анна.— „Я была и не могла не быть въ отчаяніи. Я слушаю васъ, но думаю о немъ. Я люблю его, я его любовница, а васъ боюсь и ненавижу. Дѣлайте со мною, что хотите“.

Боязнь за любимаго человѣка лишаетъ ее самообладанія, и она [уже не взвѣшиваетъ свои слова и не боится послѣдствій. Слезы свои и волненіе она считаетъ законными и слова мужа, указывающія на неприличіе ея поведенія, возмущаютъ ее.

Анна въ своемъ [горѣ не думаетъ о мужѣ, не жалѣеть его. Она извращаетъ всѣ его слова и поступки. Онъ мѣшаетъ ея счастью, а потому она не можетъ быть справедливой къ нему.

Анна сознаетъ, что гибнетъ. Любовь Вронского не кажется ей такой значительной, чтобы она могла ему предложить себя. Мысль о томъ, куда она пойдетъ, если мужъ выгонитъ ее,—страждѣтъ Анну. Рассказавъ мужу все про свои отношенія къ Вронскому, она раскаивается за свои слова. Ей не только стыдно, тяжело, но ее охватываетъ какой-то страхъ того, что ожидаетъ. Угроза мужа, что онъ приметъ мѣры, обезпечивающія его честь, сначала

не производить на нее сильного впечатлѣнія, но по-
томъ мысль приходитъ ей о томъ, что Каренинъ не
отдастъ ей сына, и она чувствуетъ, что единствен-
ное, за что она можетъ ухватиться, это—сынъ.
Пусть мужъ гонитъ ее, Вронскій измѣнитъ, она не
кинетъ сына, у нея есть цѣль—это сынъ. Анна до-
рого бы дала, чтобы вернуть слова, сказанныя муш-
жу. Всѣ преимущества прежней жизни—уваженіе
мужа, любовь сына, блестящее положеніе въ обще-
ствѣ—кажутся ей такими значительными, что ничто
не можетъ вознаградить ее за потерю всего этого.
Анна собирается бѣжать съ сыномъ, уверенная,
что мужъ выгонитъ ее; но когда онъ предлагаетъ
ей жить попрежнему, при условіи сохраненія вѣнчан-
ныхъ приличій, то она не признаетъ его великодушныхъ побужденій и извращаетъ всѣ его слова.

„Правъ, правъ!“—говорила она.—„Разумѣется, онъ всегда правъ, онъ христіанинъ, онъ великодушенъ! Да, низкій, гадкій человѣкъ! И этого никто, кромѣ меня, не понимаетъ и не пойметъ, и я не могу растолковать. Они говорятъ: религіозный, нравственный, честный, умный человѣкъ; но они не видятъ, а я видѣла. Они не знаютъ, что онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь, душилъ все, что было во мнѣ живого, что онъ ни разу и не подумалъ о томъ, что мнѣ нужна любовь. Я ли не старалась найти оправданіе своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа! Но пришло время я поняла, что не могу больше обманывать себя, что я—живая, что я не виновата, что Богъ создалъ

меня такою, что мнѣ нужно любить и жить. Убилъ бы онъ меня, убилъ бы его,—я все перенесла бы, но нѣтъ, онъ... Какъ я раньше не поняла, что онъ сдѣлаетъ? Онъ сдѣлаетъ то, что свойственно его низкому характеру. Онъ останется правъ, а меня, погибшую, еще болѣе погубить“.

„Вы сами можете предположить то, что ожидаетъ Васъ и Вашего сына, если Вы покинете мой домъ“,—вспоминаетъ она слова мужа.—„Наша жизнь должна идти попрежнему“.

„Что же будетъ теперь?—думаетъ Анна.—„Онъ знаетъ все, что я не могу раскаиваться въ томъ, что дышу, что люблю; но ему нужно мучить меня. Но нѣтъ, я разорву ту паутину лжи, которой онъ хочетъ опутать меня. Все лучше лжи и обмана“.

Анна все болѣе и болѣе запутывается въ свое мѣсто положеніи.

Семейное положеніе ея ужасно, она это сознаетъ, но прекратить его, утратить репутацію порядочной женщины, т.-е. уйти отъ мужа, еще ужаснѣе для нея, и она соглашается на прежнюю жизнь. Анна видится съ Вронскимъ въ дома, и мужъ знаетъ это. Она не уважаетъ мужа за то, что онъ не горитъ такой преступной женщины, какъ она, и объясняетъ его снисходительность полною безчувственностью.

Анна, несмотря на запрещеніе мужа принимать Вронского у себя, приглашаетъ его къ себѣ, гдѣ онъ и встречается съ мужемъ. Терпѣніе Каренина истощается, онъ выходитъ изъ себя и заявляетъ

Аннъ о своемъ желаніи получить разводъ. Тутъ Анна впервые вдумывается въ его душевное состояніе, ей дѣлается жаль его, но жалость эта такъ мимолетна, что она едва сознаетъ ее.

„Мнѣ кажется, что ему тяжело. Развѣ можетъ человѣкъ съ этими мутными глазами, съ этимъ самодовольнымъ спокойствіемъ чувствовать что-нибудь?“

Несправедливость Анны заходитъ за предѣлы возможности. Проживя съ мужемъ дружно цѣлыхъ восемь лѣтъ, при чёмъ большихъ разногласій между ними не было, и она ни въ чёмъ не могла обвинить мужа, Анна со стараніемъ, достойнымъ лучшей участіи, отыскиваетъ въ каждомъ словѣ и поступкѣ Каренина только низкія побужденія. Что же такъ измѣнило Анну? Вѣдь любила же она даже нѣкоторыя слабости мужа, заботилась о немъ раньше, до встречи съ Вронскимъ?

Очевидно, страсть со всѣми софизмами вычеркнула все, чѣмъ она жила раньше. Анна—именно кипучая, страстная натура; восемь лѣтъ она душила въ себѣ страстныя проявленія, и вотъ лава прорвалась и на свое пути сожгла все до основанія.

Развязка семейной драмы Карениныхъ уже близилась къ концу, какъ вдругъ болѣзнь Анны снова завязываетъ тотъ узель, который уже собирались если не развязать, такъ разрубить. Каренина заболѣваетъ чѣмъ-то въ родѣ родильной горячки, и, подъ опасеніемъ смерти, хочетъ примириться съ мужемъ. Раскаяніе Анны ужасно, въ ея бредѣ чувствуется сознаваемая виновность и

полная справедливость къ великодушю мужа. Вронского она также заставляетъ подать руку мужу, а когда тотъ, чувствуя стыдъ, закрываетъ лицо руками, то Анна говоритъ:

„Открой лицо, смотри на него. Онъ святой“.

Боязнь смерти сдѣлала Анну справедливої, т.-е. заставила ее понять настоящія побужденія мужа, все величіе его великодушія. Больная, она хотѣла только покоя, но, съ выздоровленіемъ, прежнія низменныя побужденія снова овладѣваютъ ею. Анна начинаетъ бояться и тяготиться мужемъ. Ребенка Вронского она не любить и не заботится о немъ. Великодушіе мужа, заботящагося о ребенкѣ любовника, уже не трогаетъ ея, самъ мужъ вызываетъ отвращеніе, и самое горячее желаніе ея— это освободиться отъ его постылого присутствія.

„Я ненавижу мужа за его добродѣтель. Я не могу жить съ нимъ. Я сознаю, что почти его не стою и все-таки ненавижу его“,—признается Анна своему брату.

Мужъ все это отлично сознаетъ и даетъ ей согласіе на разводъ, но Анна не хочетъ принять его великодушія и, рѣшительно отказавшись отъ развода, уѣзжаетъ съ Вронскимъ и дочерью его за границу.

Примиреніе съ мужемъ, разрывъ, извѣстіе о ранѣ Вронского (тотъ не могъ вынести унижающаго его великодушія оскорблennаго мужа), его появленіе, приготовленіе къ разводу, отъѣздъ изъ дома мужа, прощеніе съ сыномъ—все это кажется

Аннъ тяжелымъ кошмаромъ, и она гонить отъ себя всякия мысли о немъ.

Потребность жизни такъ сильна, присутствіе любимаго человѣка дѣлаетъ ее такой счастливой, что она рѣдко думаетъ о сынѣ и мужѣ. Любовь ея къ Вронскому еще болѣе увеличивается, она ищетъ и находитъ въ немъ только хорошее. Боязнь потерять его любовь (вѣдь это все, что ей осталось) преслѣдуєтъ ее, и она дѣлаетъ все возможное, чтобы усилить его и безъ того страстное поклоненіе ей. Жизнь за границей скоро начала надоѣдать имъ, и они рѣшили возвратиться въ Россію и провести лѣто въ имѣніи Вронского.

Въ Петербургѣ Анна чувствуетъ первые шипы своей свободной любви.

Всѣ близкіе Анны уклоняются отъ знакомства съ нею, узнавъ, что разводъ еще не начался. Анна затосковала. Любовь къ сыну проснулась съ удвоенной силой, и, когда мужъ отказываетъ ей въ свиданіи съ сыномъ, она тайкомъ пробирается въ дѣтскую Сережи и страстно ласкаетъ его. Во время ея свиданія съ сыномъ въ дѣтскую входитъ Каренинъ, и Анна, потупивъ голову, выбѣгаєтъ вонъ. Анна не ожидала, что свиданіе съ сыномъ такъ сильно подействуетъ на нее. Все прежнее снова заговориваетъ въ ней.

Вронского она хотя и любить попрежнему, но считаетъ его виновникомъ ея разлуки съ сыномъ и дѣлается къ нему несправедливой. Ревность ея, и раньше сильно мучившая ее, доходитъ до апогея. Вотъ эта-то ревность и губитъ ее. Права свободы

за нимъ она совершенно не признаетъ. Разлука на два-три дня дѣлаетъ ее несчастной.

Каждый взглядъ Вронского она предаетъ анализу, отыскивая въ немъ начало охлажденія. Требовательность ея становится слишкомъ велика, чтобы не вызвать если не отпоръ, то протестъ. „Злой, холодный взглядъ человѣка преслѣдуемаго и ожесточеннаго“ бываетъ ей отвѣтомъ на ея излишнюю требовательность. Она замѣчаетъ этотъ взглядъ и вѣрно угадываетъ его значеніе. „Она чувствуетъ, что вмѣстѣ съ любовью, связующей ихъ, установился между ними злой духъ какой-то борьбы, котораго она не могла изгнать ни изъ него, ни еще менѣе изъ своего сердца“.

Размолвки продолжаются, раздраженіе увеличивается. Основаніемъ ея раздражательности было предполагаемое уменьшеніе его любви; онъ же сознаетъ свое тяжелое положеніе и обвиняетъ ее въ отсутствіи чуткости. Оба считаютъ другъ друга неправыми и стараются при случаѣ доказать это.

Минутами Анна сознаетъ свою неправоту и обѣщаетъ себѣ взять себя въ руки, но это одни добрыя намѣренія. Она мучить себя призраками и отравляетъ ими свою жизнь. Видя охлажденіе Вронского и не зная способа вернуть прежнее, Анна все болѣе и болѣе впадаетъ въ отчаяніе и теряетъ почву. Мысль умереть наполняетъ ее радостью. Она знаетъ, что этимъ отомстить Вронскому и уже навсегда его привяжетъ къ ея памяти.

Другая женщина не замынить ея,—эту побѣду дастъ ей ея смерть.

Въ одну изъ ссоръ Анна рѣшается привести свою безразсудную мысль въ исполненіе и бросается подъ поѣздъ. Она разсчитала вѣрно,—смерть ея навсегда привязала къ ней Вронскаго.

Константи́нъ Леви́нъ.

Константи́нъ Леви́нъ является въ романѣ такимъ же центральнымъ лицомъ, какъ и Анна Ка-ренина, хотя эти двѣ личности ничего не имѣютъ общаго между собою. Исторія духовнаго возро-жденія Левина могла бы служить сюжетомъ отдѣльного произведенія, главные фазисы кото-раго слѣдующіе: любовь, препятствія къ браку и радости семейной жизни и „невѣріе“. Личность Ле-вина производитъ впечатлѣніе сильнаго, цѣль-наго, чистаго.

Онъ хочетъ, чтобы „вся жизнь слагалась изъ цѣльныхъ явлений; презираетъ общественную слу-жебную дѣятельность, сообразуясь съ желаніемъ, чтобы дѣло всегда соотвѣтствовало цѣли, чтобы дѣятельность одного человѣка всегда имѣла цѣль, чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно нераздѣльное“.

Все вышеприведенное опредѣляетъ Левина до-статочно ясно, и читателя невольно охватываетъ сочувствуящея симпатія, когда онъ слѣдить по-степенно за всѣми перипетіями его жизни.

Женитьба для Левина была самымъ главнымъ въ жизни. Въ ней онъ видѣлъ свое единственное счастье. Любовь къ женщинѣ онъ не могъ себѣ представить безъ брака, и сначала представляль себѣ семью, а затѣмъ уже ту женщину, которая создастъ эту, столь желанную, семью.

Первый опытъ его въ этомъ отношеніи потерпѣлъ крушеніе. Выбранная имъ дѣвушка отказалася ему. Левинъ долго не могъ успокоиться. Онъ чувствовалъ себя созрѣвшимъ для семейной жизни, но не только не быть женатъ, но быть дальше, чѣмъ когда-нибудь, отъ женитьбы.

Уязвленное самолюбіе, и безъ того болѣзненно развитое, долго заставляетъ страдать его, но онъ никого не обвиняетъ и говоритъ, что въ немъ есть что-то отталкивающее, „отчего его полюбить нельзя“.

Левинъ ошибался: въ немъ не было ничего отталкивающаго, но его странныя, рѣзкія сужденія, угрюмая необщительность, разумѣется, побивалась свѣтскимъ лоскомъ другихъ молодыхъ людей того общества, гдѣ онъ врацался. Онъ сознавалъ свою неловкость, страдалъ отъ этого, сердился, но передѣлать себя не могъ.

Деревня пріучила его къ свободѣ и узкій масштабѣ города, гдѣ все требовало, хотя и рутинаго, соблюденія внѣшнихъ приличій, стѣсняль его, и онъ терялся. Вполнѣ естественно, что онъ рвался къ себѣ въ деревню и всю свою жизнь хотѣлъ прожить въ ней.

Для Левина деревня является „мѣстомъ жизни,

т.-е. радостей, страданий, труда". Народъ казался ему главнымъ участникомъ въ общемъ трудѣ, но, несмотря на все уваженіе и любовь къ мужику, на все восхищеніе, въ которое онъ приходилъ отъ силы, кротости и справедливости этихъ людей, очень часто, когда въ общемъ дѣлѣ требовалась другія качества, Левинъ озлоблялся на народъ за его беспечность, неряшливость, пьянство и ложь, но считалъ эти недостатки необходимымъ слѣдствiemъ ихъ экономической зависимости и всей душой хотѣлъ облегчить имъ жизнь. Мысль сдѣлать ихъ пайщиками въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ, захватила его, но не будучи хорошо освѣдомленъ въ этомъ, онъ собрался за границу, гдѣ думалъ увидѣть все на дѣлѣ и поучиться.

Побывавъ въ Германіи, Пруссіи и Франціи, Левинъ основательно изучилъ все, что казалось ему нужнымъ и примѣнимымъ. Оставалось разобраться въ материалѣ и приводить намѣченное въ исполненіе. Возвратясь въ Россію, Левинъ встрѣчается съ любимою дѣвушкою. Старое чувство заявляетъ свои права. Левинъ дѣлаетъ вторично предложеніе, и его принимаютъ. Счастье его кажется ему великимъ; чистота невѣсты умиляетъ его; себя онъ считаетъ недостойнымъ ея.

Прямодушіе Левина заставляетъ его признаться невѣстѣ, „что онъ не такъ чистъ, какъ она, и о своемъ невѣріи“.

Признаніе это—„было единственное тяжелое событіе того времени. Онъ передалъ Кити свой днев-

никъ, въ которомъ было написано все то, что
мучило его“.

Левинъ не безъ колебанія отдаетъ невѣстѣ
свой дневникъ. Но онъ зналъ, что тайнъ между
ними не должно быть, а потому признался во всемъ.
Прошлое мучить его, а потому онъ еще сильнѣе
обожаетъ свою невѣсту и считаетъ счастье свое
незаслуженнымъ,

Передъ свадьбою Левину приходится говѣть.
Это ему кажется тяжелымъ. Онъ уважаетъ вѣро-
ванія другихъ людей, но принимать участіе лично
считаетъ невозможнымъ. Левинъ относится къ
религії совершенно неопределенно. „Вѣрить онъ
не могъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ твердо убѣ-
жденъ въ томъ, чтобы все это было несправедливо.
И поэтому, не будучи въ состояніи вѣрить въ
значительность того, что онъ дѣлалъ, ни смотрѣть
равнодушно, какъ на пустую формальность, —
во все время своего говѣнья онъ испытываетъ
чувство неловкости и стыда, дѣлая то, чего самъ
не понимаетъ, и потому, какъ ему говорилъ внут-
ренній голосъ, что-то лживое и нехорошее“.

Священнику онъ признается въ своемъ невѣріи.
Бесѣда со священникомъ, конечно, ни въ чемъ не
убѣждаетъ его, и послѣ исповѣди Левинъ испы-
тываетъ радостное сознаніе, что неловкое поло-
женіе окончилось.

Послѣ своей свадьбы Левинъ уѣхалъ въ де-
ревню. Радости семейной жизни—со всей своей
поэзіей и прозой—сдѣлались доступными ему.
Первые, т.-е. радости, еще до женитьбы манили

его воображение, но проза явила для него неожиданностью.

Всѣ мелочи семейной жизни были незнакомы ему раньше. Въ чужой семье онъ допускалъ ихъ возможность. Своя жизнь рисовалась ему чѣмъ-то особеннымъ.

Вполнѣ понятно его разочарование при соприкосновеніи съ этими мелочами. Идеаль слишкомъ возвышенного счастья, столь противоположного обыкновенной семейной жизни, былъ причиною первого разочарованія его. Медовый мѣсяцъ, отъ котораго ждалъ такъ много Левинъ, остался самымъ тяжелымъ и унизительнымъ воспоминаніемъ. Любя свою жену самою страстью и преданною любовью, онъ сознавалъ ея недостатки, мирился съ ними, старался обходить, но столкновенія были неизбѣжны, хотя и по самому пустяшному поводу.

Все это, конечно, вполнѣ нормально. Люди, еще не совсѣмъ слившіе свою жизнь воедино, стараются каждый перетянуть другого на свою сторону. Эта нравственная и умственная борьба неизбѣжна во всякомъ общежитіи,—вотъ это-то, видимо, не сразу дается Левину, отсюда—и его разочарование и нѣсколько горькій осадокъ.

Смерть брата положила какъ бы основу его пессимизма и вызвала чувство ужаса. Смыслъ смерти вообще и неизбѣжность ея—вотъ причина ужаса.

Присутствіе жены спасаетъ его отъ отчаянія, отъ страшныхъ мыслей и еще сильнѣе заставляетъ любить жизнь.

„Не успѣла на его глазахъ совершиться одна тайна смерти, оставшаяся неразгаданной, какъ возникла другая—столь же неразгаданная—рожденіе ребенка“.

Муки жены, испытываемыя при родахъ, заставляютъ Левина волноваться, плакать и даже молиться.

„Господи, помилуй, прости, помоги!“—твердиль онъ какъ-то вдругъ и неожиданно пришедшія ему на уста слова.

„И онъ, не вѣрющій, повторялъ эти слова не однimi устами. Теперь, въ эту минуту, онъ зналъ, что всѣ не только сомнѣнія его, но та невозможность по разуму вѣрить, которую онъ зналъ въ себѣ, никакъ не мѣшаютъ ему обращаться къ Богу. Все это теперь, какъ прахъ, слетѣло съ его души. Къ кому же ему было обращаться, какъ не къ Тому, въ Чьихъ рукахъ онъ чувствовалъ себя, свою душу и свою любовь?“

Онъ чувствуетъ, что то, „что совершалось, было то же, что совершалось на одрѣ смерти брата. Но то было горе,—эта была радость. Но и то горе, и эта радость одинаково были внѣ всѣхъ обычныхъ условій жизни, были въ этой обычной жизни какъ будто отверстія, сквозь которыхъ показывалось что-то высшее. И одинаково тяжело, мучительно наступало совершающееся, и одинаково непостижимо, при созерцаніи этого высшаго, поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею“.

Левинъ все время мучится своимъ невѣріемъ. Ищетъ истины, разрѣшенія мучившихъ его сомнѣній. Во время родовъ жены съ нимъ происходитъ необыкновенное событие: онъ, не вѣрующій, началъ молиться, и когда молился, то вѣрилъ. Но прошла эта минута, и онъ не могъ дать этому религіозному настроенію никакого мѣста въ своей жизни.

Онъ былъ въ мучительномъ разладѣ съ самимъ собою и напрягалъ всѣ душевныя силы, чтобы выйти изъ него.

„Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ здѣсь— нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно нельзя жить“,—говорить себѣ Левинъ.

„Въ безконечномъ времени, въ безконечности матеріи, въ безконечномъ пространствѣ выдѣляется пузырекъ—организмъ, и пузырекъ этотъ подержится и лопнетъ, и пузырекъ этотъ—я“.

Это была неправда, но это былъ результатъ, единственный и послѣдній, вѣковыхъ трудовъ мысли человѣческой въ этомъ направленіи.

Левинъ незамѣтно усвоилъ себѣ это, и мысль о самоубійствѣ манитъ его, несмотря на полное нежеланіе, съ его стороны, подчиняться злой силѣ.

Вся литература не давала отвѣтовъ на вопросы, занимающіе Левина, и вотъ, когда сомнѣнія въ особенности сильно одолѣваютъ его, Левинъ слышитъ фразу отъ мужика: „Для души живетъ. Бога помнить“.

Слова эти, сказанныя простымъ, безхитростнымъ

мужикомъ, проясняютъ мрачныя тучи сомнѣній Левина.

„Не для нуждъ своихъ жить, а для Бога“,— повторяетъ Левинъ и соглашается съ этимъ.— „Если добро имѣть причину, оно уже не добро; если оно имѣть послѣдствія—награду, оно тоже не добро. Стало быть, добро виѣ цѣли, причинъ и слѣдствій“.

„И его-то я знаю, и всѣ мы знаемъ“.

„Какое можетъ быть чудо больше этого?“

„Я ничего не открылъ. Я только узналъ то, что я знаю. Я понялъ ту силу, которая не въ одномъ прошедшемъ—дала мнѣ жизнь, но теперь даетъ мнѣ жизнь. Я освободился отъ обмана, я узналъ хозяина“.

Левинъ пришелъ къ этому не только не просто, но путемъ долгихъ думъ и тяжелыхъ страданій. То, что узналъ онъ постепенно, было вложено въ немъ съ самаго дѣтства, но понять и утвердиться на этомъ онъ смогъ только послѣ долгихъ исканій и мукъ,

Алексѣй Алексѣевичъ Каренинъ.

Каренинъ—человѣкъ строгихъ правилъ. Каждая минута его жизни занята и распределена. „Безъ поспѣшности и безъ отдыха“,—вотъ его девизъ. Несмотря на поглощавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ, появляющимся въ умственной сфере. Его интересуютъ книги политической, философской, богословской; въ нихъ онъ отыскиваетъ отвѣты своимъ сомнѣніямъ, въ вопросахъ же искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ совершенно лишенъ, у него составились самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія. Онъ любить говорить о Шекспирѣ, Рафаэльѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ, поэзіи и музыки, которыхъ всѣ были у него распределены съ ясною послѣдовательностью.

Отношения его къ женѣ также ясны и определены. Онъ вѣрить ей, потому что „должно имѣть довѣріе“, но почему должно имѣть довѣріе—онъ себя не спрашиваетъ.

Возможность, что его молодая жена когда-ни-

будь измѣнить ему кажется невѣроятной и удивительно-нелогичной Каренину.

Поглощенный своими служебными интересами, которые въ сущности являются только отражениемъ жизни, онъ теряется передъ всѣмъ тѣмъ, что выходитъ изъ круга его понятій. Онъ не понимаетъ, что жизнь не распредѣляется логическими измышеніями, что у нея есть свое, самостоятельное теченіе, и каждый разъ, какъ жизнь заявляетъ свои права, Каренинъ отстраняется отъ нея.

Жена, ея душа, умъ—на все это заявляетъ собственность Каренинъ; личной жизни у нея онъ не подозрѣваетъ и не допускаетъ.

„Переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Каренину. Онъ считаетъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ“.

„Вопросы о ея чувствахъ, о томъ, что дѣлалось и можетъ дѣлаться въ ея душѣ, это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежитъ религії“,—говорить Каренинъ.—„Моя же обязанность ясно опредѣляется. Какъ глава семьи, я—лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное; я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть, если въ этомъ представится подобность“.

И когда подобная надобность явилась, и жена начинаетъ увлекаться Вронскимъ, Каренинъ приступаетъ со своими предостереженіями и наталкивается на открытие, что „глубина ея души, всегда

прежде открытая предъ нимъ, закрыта отъ него. Онъ испытываетъ чувство, подобное тому, какое испытывалъ бы человѣкъ, возвратившійся 'домой и находящій домъ свой запертымъ'.

Каренинъ, столь компетентный въ государственной дѣятельности, тутъ чувствуетъ себя безсильнымъ. Онъ опускаетъ голову и ждетъ обуха. Внѣшнія отношенія его съ женой такія же, какъ и прежде, только съ большей энергией работаетъ онъ надъ своими государственными дѣлами.

Каренинъ не объясняется съ женою, но становится холоднѣе какъ къ ней, такъ и къ сыну. Онъ страшится понять свое положеніе и старается не вдумываться въ него. Друзья предупреждаютъ его о невѣрности жены, но Каренинъ не позволяетъ себѣ думать объ этомъ и не думаетъ; но въ глубинѣ своей души, никогда не высказывая этого даже самому себѣ и не имѣя на то никакихъ доказательствъ и подозрѣній, онъ знаетъ несомнѣнно, что онъ—обманутый мужъ и глубоко страдаетъ.

Каренинъ больше всего боится объясненія, благодаря которому все могло бы рѣшиться. Нарушить, хотя бы и внѣшній, порядокъ жизни для него страшно, а потому онъ и видитъ—да не видитъ. Даже дикая сцена на скачкахъ, когда жена его рыдаетъ отъ страха за любимаго человѣка, не кажется Каренину рѣшающей, и даже тутъ онъ готовъ оставить "прежній порядокъ жизни" и только дѣлаеть женѣ замѣчаніе о неприличіи ея слезъ. Признаніе жены, что она любовница

Вронского, поражаетъ, какъ громомъ, Каренина. Видъ слезъ Анны приводитъ его въ растерянное состояніе, и онъ теряетъ всякую способность соображенія. Слова ея вызываютъ въ немъ острую боль, которая еще болѣе усиливается отъ странной жалости, поднимающейся въ немъ при видѣ ея слезъ,—таково было его первое впечатлѣніе отъ ея откровенности, но затѣмъ его охватываетъ какое-то чувство освобожденія отъ всего того, что мучило его раньшѣ. Ударъ раздался и разсѣялъ мучительное ожиданіе, которое отравляло ему существованіе.

„Это—несчастіе, постигшее меня. Дѣло теперь только въ томъ, какъ наилучшимъ образомъ перенести это положеніе“,—говорить себѣ Каренинъ.

Долгія размышленія его по этому поводу, при чемъ дуэль и разводъ рѣшительно имъ отвергаются, приводятъ Каренина къ слѣдующему рѣшенію:

„Обдумавъ то тяжелое положеніе, въ которое она поставила семью, всѣ другіе выходы будутъ хуже для обѣихъ сторонъ, чѣмъ виѣшнее *statu quo*, и что таковое я согласенъ соблюдать, но подъ строгимъ условиемъ исполненія съ ея стороны моей воли, т.-е. прекращенія отношеній съ любовникомъ“.

Рѣшеніе это подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ:

„Только при такомъ рѣшеніи я поступаю и съобразно съ религіей, только при этомъ рѣшеніи

я не отвергаю отъ себя преступную жену, а даю ей возможность исправленія, даже—какъ ни тяжело это мнѣ будетъ—посвящаю часть своихъ силъ на исправленіе и спасеніе ея“.

Онъ сознаеть, что несчастіе жены не упраздняется этимъ рѣшеніемъ, но говорить: „она должна быть несчастлива, но я не виноватъ, а потому не могу быть несчастливъ“.

Легко понять, что изъ подобныхъ странныхъ мѣръ не могло выйти ничего жизнепримѣнимаго, если принять во вниманіе страсть, охватившую жену Каренина, и она не соблюдаетъ требованія своего мужа. Каренинъ рѣшается на разводъ и уже начинаетъ хлопотать, какъ вдругъ болѣзнь жены выбиваетъ его изъ намѣченной имъ колеи. Смерть жены кажется ему желанной и всеразрѣшающей, но когда онъ видить страданія ея, то „чувствуетъ душевное разстройство, какое-то блаженное состояніе души, давшее ему новое, никогда не испытанное имъ счастье. Радостное прощеніе наполняетъ его душу, и онъ чувствуетъ, что не имѣть права покидать ея, и что то, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, то, что казалось наразрѣшимъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ“.

Величіе его души и всепрощеніе въ особенности рельефно выступаютъ въ его заботѣ о чужомъ ребенкѣ—о ребенкѣ любовника.

Несмотря на все это, Каренинъ скоро замѣ-

чаетъ, что его великодушіе тяжело женѣ, что окружающіе съ удивленіемъ посматриваютъ и чего-то ждутъ отъ него, онъ теряется и не знаетъ, что дѣлать. Желаніе жены получить разводъ, заставляетъ его дать свое согласіе, но онъ не можетъ понять, почему за его прощеніе, за его любовь къ больной и преступной женѣ и чужому ребенку, какъ бы въ награду за все это, онъ очутился одинъ, опозоренный, осмѣянный, никому не нужный и всѣми презираемый.

Въ особенности его мучитъ прощеніе, никому ненужное, и заботы о чужомъ ребенкѣ. Воспоминанія обо всемъ жжетъ его стыдомъ и раскаяніемъ, но онъ успокаиваетъ себя мыслю, что все сдѣланное имъ служило не для временной жизни, а для вѣчной.

Когда онъ узнаетъ, что его жена бросилась подъ поѣздъ, то беретъ себѣ ея дочь,—было ли это сердечной потребностью или имъ руководили религіозныя побужденія мы не знаемъ—авторъ объ этомъ ничего не говоритъ,—но по всей вѣроятности это было слѣдствіемъ хотя и далекой отъ жизни, но все-таки доброй натуры его.

Алексѣй Вронскій.

Алексѣй Вронскій—молодой, красивый офицеръ, ничѣмъ особенно не выдѣляющійся изъ своей среды. Молодость, красота, блестящее положеніе въ свѣтѣ—все дала ему судьба, оставалось только жить и наслаждаться.

Въ жизни для него самое главное быть элегантнымъ, великодушнымъ, смѣлымъ, веселымъ, отдаваться всякой страсти не краснѣя, и надѣльскимъ остальнымъ смѣяться. Вѣрить въ то, „что мужу нужно жить только съ женою, съ которой онъ обвѣнчанъ, что дѣвушкѣ надо быть невинною, женщинѣ—стыдливою, мужчинѣ—мужественнымъ, воздержаннымъ, твердымъ, что дѣтей надо воспитывать тщательно, зарабатывать свой хлѣбъ, платить долги и разныя тому подобныя глупости—пошло, глупо, а главное смѣшно“. Также смѣшна роль несчастного любовника дѣвушки или свободной женщины, но роль человѣка пре-

слѣдовавшаго замужнюю женщину и твердо рѣшившаго вовлечь ее въ соблазнъ—это красиво, величественно и никогда не можетъ вызвать смѣхъ.

Вполнѣ понятно поэтому, что имѣя подобную „принципную безпринципность“ Вронскій преслѣдуетъ Каренину и видя ея сопротивленіе все болѣе и болѣе увлекается.

Люди того сорта, къ которому принадлежитъ Вронскій, видяще особую прелестъ въ трудности побѣды, это даетъ имъ привкусъ остроты, что особенно цѣнится пресытившимися отъ всякихъ увлеченій виверами.

Увлеченіе Вронского дамой большого свѣта—придаетъ ему особый шикъ въ глазахъ товарищѣй и только вступивъ въ связь съ Карениной, онъ сознаетъ, что самое „шикарное“ и въ то же время самое тяжелое въ его любви—именно высокое положеніе Каренина.

Связь съ Карениной становится для него не обыкновенно пошлою связью, а необходимой для жизни. Онъ испытываетъ мученіе отъ трудности своего и ея положенія, отъ того афишированія въ глазахъ всего общества, въ которомъ они находились. Лгать, хитрить, становится противнымъ ему.

Беременность Карениной кажется Вронскому избавленіемъ, и онъ предлагаетъ ей соединиться съ нимъ, но та не хочетъ быть открыто его любовницей.

На все въ жизни у Бронского были свои правила, опредѣляющія, что дѣлать и какъ поступить. Правила эти („платить шулеру нужно, а портному не нужно, лгать мужчинамъ не надо, а женщинамъ можно, обманывать не слѣдуетъ никого, но мужа можно, прощать оскорблениія нельзя, но оскорблять можно“), быть можетъ и неразумныя и не хорошія, но они были несомнѣнны, и, исполняя ихъ, онъ чувствуетъ себя спокойнымъ, въ отношеніяхъ же своихъ къ Карениной, у него нѣтъ ничего несомнѣннаго, а потому и беспокоится.

Menage en trois не улыбается ему и даже возбуждаетъ омерзеніе. Взять Каренину отъ мужа—значитъ испортить карьеру и выйти въ отставку, а Бронскій очень честолюбивъ.

Положеніе егостановится затруднительнымъ, но радости любви искупаютъ и если бы не ревность Карениной, то Бронскій могъ бы чувствовать себя счастливымъ.

Припадки ея ревности ужасаютъ его и охлаждаютъ, и онъ чувствуетъ, что связь его уже не можетъ быть разорвана даже, если бы онъ желалъ этого.

Болѣзнь Карениной, которая подъ вліяніемъ опасенія смерти, заставляетъ Бронского просить прощенія у обманутаго имъ мужа, затѣмъ великодушіе Каренина, въ которомъ онъ чувствуетъ что-то высшее и недоступное ему въ его міровоззрѣніи—все это еще болѣе запутываетъ нравственно Бронского.

Если бы Каренинъ вызвалъ его на дуэль, онъ бы это понялъ и могъ бы дать удовлетвореніе, но великодушіе прощенія унижаетъ Вронскаго, и онъ застрѣливается—но неудачно.

Этимъ онъ какъ бы смываетъ въ собственныхъ глазахъ свой позоръ и снова входитъ въ обычную колею.

Болѣзнь Анны, ея отреченіе отъ него, раздѣляются, уже начинавшую стихать, страсть Вронскаго, онъ добивается свиданія и затѣмъ уѣзжаетъ съ нею за границу, отказавшись отъ развода, потому что принять великодушіе мужа, было тяжело имъ обоимъ.

За границей, а затѣмъ и у себя въ имѣніи Вронскій страдаетъ отсутствіемъ дѣла.

Ревность Анны, ея деспотическое стѣсненіе свободы его, служить причиной постоянныхъ сценъ, утомлявшихъ Вронскаго. Рыцарское отношеніе къ женщинѣ, такъ много потерявшей во имя любви къ нему, заставляетъ его сдерживаться и не выражать слишкомъ явно свое утомленіе и разочарованіе отъ ея излишней любви.

Онъ проситъ Анну начать дѣло о разводѣ, желая хоть этимъ успокоить ее. Его попытки хоть слегка раздвинуть рамки любовнаго стѣсненія приводятъ къ трагическому результату. Каренина бросается подъ поѣздъ и тѣмъ самымъ привязываетъ Вронскаго навсегда къ своей памяти.

Онъ бросаетъ все и ѿдетъ на войну въ Сербію,

потому что „радъ тому, что есть за что отдать свою жизнь, которая ему не только ненужна, но даже постыла“.

„Передъ его глазами постоянно стоитъ Анна, торжествующая своей свершившейся угрозой никому ненужнаго, но неизгладимаго раскаянія“.

Интрига, начатая почти шутя затянула Вронскаго, сбила съ пути, и своимъ трагическимъ концомъ окончательно лишила его всякой радости жизни.

Отсюда сознаніе „ненужности и даже постыдности жизни“.

Долли Облонская.

Типъ милой, сердечной женщины, живущей семьею. Для нея нѣтъ общественныхъ интересовъ и вообще нѣтъ интересовъ виѣ мужа и дѣтей.

Чистая душою, чуждая ревнивыхъ подозрѣній Долли не заботится о сохраненіи красоты. Ей не понятны кокетливыя ухищренія Анны Карениной, которая сохраненіемъ виѣшней красоты хочетъ удержать любимаго человѣка.

У Долли свой особый міръ, полный удовлетворяющихъ ее интересовъ; у нея нѣтъ ни времени, ни охоты думать о себѣ. Толстой въ лицѣ Долли вывелъ полный контрастъ Карениной.

Узнавъ объ измѣнѣ мужа, въ котораго она такъ безгранично вѣрила, Долли плачить, мечется, собирается покинуть мужа, но въ душѣ сознаетъ, что безъ него, хотя и легкомысленнаго и даже порой слишкомъ легкомысленнаго, у нея нѣтъ существованія, что дѣти должны имѣть

отца и это заставляет ее смиряться, прощать и даже любить мужа, несмотря на все свое попранное женское достоинство.

Не такова Каренина, та внѣ себя не признавала никого и ничего и прощать не умѣла.

Долли сознаетъ, что она утратила свою красоту, но ее утѣшаетъ мысль, что все это взято мужемъ и семьей и, понявъ натуру мужа, имѣла столько любви, чтобы простить его и отказаться отъ личной жизни.

Узнавъ о любви Карениной къ Вронскому, Долли умоляетъ Каренина простить жену, не губить ее и приводить въ примѣръ себя:

„Вы не должны губить ее. Послушайте, что я скажу про себя. Я вышла замужъ, и мужъ обманулъ меня; въ злобѣ, ревности, я хотѣла все бросить, я хотѣла сама... но я опомнилась, и что же? Дѣти растутъ, мужъ возвращается въ семью и чувствуетъ свою неправоту, дѣлается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить. Любите ненавидящихъ насть, добавляетъ она.

Туть видна вся прелесть ея души. Сколькоуваженія къ семейнымъ основамъ, сколько истинно-христіанского смиренія предъ неизбѣжнымъ.

Именно такими женщинами держатся многія семьи; съ виду простыя, ограниченныя, онѣ вѣнчаютъ къ себѣ благоговѣніе въ дѣтяхъ и для нихъ мать будетъ всегда свята и дорога.

Жертвуя собою, Долли не разрушаетъ семью

и находитъ себѣ удовлетвореніе въ сознаніи исполненнаго долга, усвой себѣ подобной взглядъ Каренина, многое произошло бы иначе.

Есть положенія въ жизни, когда человѣкъ нравственно лишонъ возможности имѣть свободу дѣйствія.—Долли это знала въ теоріи и примѣнила на практикѣ.

Козловскій, С. А. Рѣшенія ариѳмет. задачъ (2891—3390) А. Малинина и К. Буренина. Ч. III. ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія ариѳмет. задачъ (3391—3814) А. Малинина и К. Буренина Ч. IV. ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія геометрическихъ задачъ В. Н. Манина. Вып. I. ц. 60 к. Вып. II. ц. 1 р.

Каганъ, Ш. Е. Рѣшенія и объясн. всѣхъ 296 стереометрическ. и планиметр. задачъ И. Рыбкина ц. 1 р.

Ольгинъ, П. Рѣшенія ариѳмет. задачъ В. А. Евтушевскаго къ I ч. ц. 30 к.

Родныхъ, А. Формулы по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи ц. 40 к.

Шмулевичъ. Дополненія къ курсу алгебры, требуемыя программами конкурсныхъ экзаменовъ. Изд. II. 1904 г. ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ специальныхъ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Ч. I. Тригонометрія. Изд. IV. 1903 г. ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ специальныхъ высшихъ учебн. заведеніяхъ Ч. II. Алгебра. Изд. III. 1902 г. ц. 1 р. 75 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ специальныхъ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Ч. III. Геометрія.. Изд. II. 1903 г. ц. 1 р. 30 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ специальныхъ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Ч. IV. Физика. Изд. 1904 г. ц. 1 р.

Его-же. Курсъ теоретической ариѳметики въ объемѣ программъ вступительныхъ экзаменовъ въ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 1903 г. ц. 75 к.

Его-же. Конспектъ для повторенія курса физики. Изд. 1904 г. ц. 60 к.

Пособія по русскому языку:

Р. Т. Сочиненія на темы по русскому яз. Вып. I ц. 45 к.
Р. Т. Сочиненія на темы по русскому яз. Вып. II ц. 65 к.

Бродовскій, М. М. Руководство къ сочиненію прозаическ. и стихотворн. 2-е изд. ц. 60 к.

Данскій, В. М. Сочиненія на темы по русскому яз. ц. 60 к.

С. Р. М. Сочиненія на темы по русскому яз. ц. 1 р.

Григорьевъ, Н. Г. Сотрудникъ гимназиста. Пособіе по изученію русской словесности ц. 1 р.

П. Е. Эсперовъ. Какъ надо корреспондировать и что необходимо знать корреспонденту. Ц. 40 к.

Разборъ русскихъ классиковъ:

Разборъ «Войны и Мира», графа Л. Н. Толстого. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Ц. 30 к.

Разборъ «Анны Карениной», графа Л. Н. Толстого. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Ц. 25 к.

Разборъ «Князя Серебрянаго», графа Ал. Толстого. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Ц. 25 к.

Разборъ «Дворянскаго Гнѣзда», «и Отцы и Дѣти» Тургенева. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. (Печатается).

Разборъ «Нови,» «и Рудинъ.» Тургенева. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. (Печатается).

Разборъ «Обрыва» Гончарова. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. (Готовится къ печати).

Разборъ «Обломова» Гончарова. Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. (Готовится къ печати).

АКС. «Книжное Дѣло», Томъ I. Весьма полезное руководство для гг. книжниковъ, библіотекарей и завѣдующихъ продажею книгъ и учебниковъ при учебныхъ заведеніяхъ Книга знакомить положительно со всѣми особенностями и отраслями книжной торговли. ц. 2 р.
